

На правах рукописи

Щербакова

ЩЕРБАКОВА ВЕРОНИКА АРКАДЬЕВНА

**ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА РУБЕЖА 1950–1960-Х ГГ.
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЕ ПИСАТЕЛЯ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов – 2022

Работа выполнена на кафедре социально-гуманитарных дисциплин
Социально-педагогического института
ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Гончаров Пётр Андреевич

Официальные оппоненты: **Голубков Михаил Михайлович**,
доктор филологических наук
(10.01.01 – русская литература),
профессор, заведующий кафедрой
истории новейшей русской литературы
и современного литературного
процесса ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова» (г. Москва)

Цветова Наталья Сергеевна,
доктор филологических наук
(10.01.01 – русская литература),
доцент, профессор Высшей школы
журналистики и массовых коммуника-
ций ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
(г. Санкт-Петербург)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Красноярский государст-
венный педагогический университет
им. В.П. Астафьева» (г. Красноярск)

Защита состоится 22 апреля 2022 г. в 12:30 на заседании диссер-
тационного совета Д.212.261.03 при ФГБОУ ВО «Тамбовский госу-
дарственный университет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392012,
г. Тамбов, ул. Советская, 6, учебный корпус № 4, зал заседаний дис-
сертационных советов.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной
библиотеке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина» и на сайте университета: <http://disser.tsutmb.ru/>.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2022 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Серебренникова Н.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество Виктора Петровича Астафьева (1924–2001) занимает одно из ведущих мест в развитии русской литературы XX века. Причастный ко многим тематическим, жанровым, поэтико-стилевым направлениям и течениям в современной литературе, он смог создать оригинальную художественную систему со своей этико-философской направленностью. Значение творчества В. Астафьева для литературы последней трети XX века трудно переоценить. Так, по аналогии с принципом периодизации, выдвинутым В.Г. Белинским, Л.В. Полякова полагает, что «современную литературу <...> можно определить как астафьевский период»¹.

Так сложилось, что основным материалом исследования литературной критики и литературоведения последних трех десятилетий стали произведения В. Астафьева времени его зрелого и позднего творчества. Однако именно рубеж 1950–1960-х годов стал тем временем, когда складывалась жанровая, поэтико-стилевая специфика, персонажная сфера и проблемно-тематическая парадигма всего творчества писателя. Поэтому избрание произведений этого периода в качестве основного материала нашего исследования является далеко не случайным.

Степень изученности проблемы. Творчеству В. Астафьева посвящены работы известных критиков. Особую значимость для исследования прозы В. Астафьева 1960-х годов имеет работа его первого критика – А.Н. Макарова. Ценной для интерпретации произведений писателя стала книга Н.Н. Яновского о В. Астафьеве, написанная в жанре очерка творчества писателя. Содержательной, освещающей большинство значимых аспектов творчества писателя, является работа критика В.Я. Курбатова о творчестве В. Астафьева. А.П. Ланщиков анализирует прозу В. Астафьева во взаимосвязи с публицистикой, указывает на традиции классиков русской литературы в его творчестве. В этом же

¹ Полякова Л.В. Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX–XXI веков: монография. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007. С. 17–18.

ряду находятся книги и статьи И.А. Дедкова, Ю.И. Селезнева, А.А. Михайлова, С.П. Залыгина, С.Ю. Куняева и других известных литературных критиков. Творческое наследие В. Астафьева стало предметом монографического осмысления ряда современных литературоведов (П.А. Гончарова, А.Ю. Большаковой, Н.С. Цветовой, О.Ю. Золотухиной, В.В. Дегтяревой и др.).

Признание значимости В. Астафьева как оригинального художника слова пришло гораздо позднее, чем эта оригинальность была им достигнута, этим во многом и объясняется недостаточное внимание литературоведов к раннему творчеству писателя. В значительной степени это характерно и для перечисленных выше литературоведческих работ, и для известных исследований Т.М. Вахитовой, Н.Л. Лейдермана, С.В. Переваловой, Ю.А. Ростовцева, В.А. Зубкова и других.

Отдельной темой исследования повести конца 1950 – начала 1960-х гг. в вышеупомянутых и других работах не стали. Многие аспекты избранной нами темы остаются либо малоизученными, либо нуждаются в новом подходе и осмыслении. Отсутствуют и фундаментальные работы, раскрывающие эволюцию мировосприятия писателя на переломном этапе его творческого пути, эволюцию, которая ощутимо реализовалась в образах его героев.

В связи с этим **актуальность исследования** определяется необходимостью целостного, по возможности полного анализа специфики повестей В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. в сопоставлении с основными тенденциями творчества писателя и всего историко-литературного процесса, что, в свою очередь, позволяет значительно расширить и углубить представление о творческой индивидуальности выдающегося русского писателя и его роли в литературном процессе рубежа 50–60-х годов двадцатого столетия.

Целью исследования является выявление особенностей жанровой и поэтико-стилевой специфики повестей В. Астафьева рубежа 1950 – 1960-х гг.

Задачи данного исследования обусловлены его целью и заключаются в следующем:

– осмыслить мировосприятие и духовно-нравственные доминанты В. Астафьева в их соотнесенности с типологическими

и индивидуальными особенностями героев его произведений, с историко-культурным и историко-литературным процессом рубежа 1950–1960-х годов;

– исследовать базовые параметры и характеристики героев повестей В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов в контексте изображаемой эпохи;

– определить источники духовно-нравственного становления молодого героя повестей В. Астафьева;

– охарактеризовать мировосприятие и духовно-нравственные доминанты В. Астафьева на переломном этапе творчества писателя, воплотившиеся в героях его произведений;

– проанализировать доминанты стратегии повествования прозы В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов;

– интерпретировать слагаемые складывающегося в творчестве писателя многомерного образа Сибири;

– установить основные параметры творческого метода писателя на важном этапе его писательского пути;

– исследовать функцию внутреннего монолога как способа реализации стремления к психологизму в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов;

– классифицировать основные способы раскрытия души героя в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов;

– определить жанровые, композиционные, поэтические особенности повестей В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг.

Объект анализа – проблемно-тематическая, жанрово-стилевая парадигма, персонажная и мотивная сферы повестей В. Астафьева, отдельных рассказов и статей писателя рубежа 1950–1960-х годов.

Предметом диссертационного исследования является специфика творчества В. Астафьева рубежа 50–60-х годов, функция повестей, относящихся к этому этапу творчества, а также глав-рассказов первой книги «Последнего поклона» в художественной парадигме писателя, эволюция мировидения художника, кристаллизация его духовно-нравственных ориентиров.

Методологическая база исследования основана на фундаментальных трудах по истории и теории литературы: аспекты отношений автора и его героя, наследования литературных тра-

дий (М.М. Бахтин, В.Е. Хализев, Л.Я. Гинзбург, Л.В. Чернец); проблемы периодизации современной русской литературы (Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий, В.Е. Хализев, М.М. Голубков, Л.В. Полякова), вопросы психологизма русской классической литературы (Л.Я. Гинзбург, В.Е. Хализев, Т.Ю. Хмельницкая, А.Б. Есин и др.).

В основе методологии диссертации лежат также работы наиболее авторитетных критиков, интерпретировавших произведения В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов: А.Н. Макарова, Н.Н. Яновского, В.Я. Курбатова, А.П. Ланщикова и других.

В диссертации используются и развиваются некоторые идеи, изложенные в работах ряда литературоведов, специализирующихся на творчестве прозаика: А.Ю. Большаковой, Т.М. Вахитовой, П.А. Гончарова, С.В. Переваловой, Н.С. Цветовой и др.

В основу методологии диссертационного исследования положен комплексный анализ; историко-литературный принцип исследования, опирающийся на культурологический, структурно-поэтический, сравнительно-типологический, интерпретационный, биографический методы и подходы к изучению художественного произведения.

За основу систематизации и хронологизации творчества В. Астафьева в нашей диссертации принята периодизация, впервые предложенная и аргументированная П.А. Гончаровым, который относит повести В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов к «пермскому» (уральскому) периоду» творчества писателя, к тому времени, когда складывалась и утверждалась жанровая, поэтико-стилевая система художника².

Материалом для исследования послужили повести «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», главы-рассказы первой книги «Последнего поклона», принадлежащие к первому периоду творчества писателя, первоначальные и более поздние варианты и редакции некоторых произведений уральского периода В. Астафьева. К исследованию привлечены также мемуар-

² Гончаров П.А. О периодизации творчества В. Астафьева // Филол. науки. 2003. № 6. С. 20–27.

ные, эпистолярные, биографические источники, публицистика писателя, проза его современников и предшественников.

Достоверность диссертации обусловлена опорой на авторитетные теоретические и историко-литературные исследования и использованием апробированных в филологической науке традиционных методов академического литературоведения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исторические и социальные катаклизмы XX столетия определили основные события биографии В. Астафьева; событийность его повестей рубежа 1950 – 1960-х годов, как правило, соотносится с главными и частными вехами жизненного пути писателя, делая автобиографичность основой сюжетных мотивов и характерологии его произведений.

2. На рубеже 1950–1960-х гг. в прозе В. Астафьева происходит кристаллизация его оригинального типа молодого героя.

3. Герои, представляющие собой старшее поколение, изображаются в качестве источника духовно-нравственных ценностей для молодых героев писателя.

4. В повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов складываются элементы сложного, многомерного образа Сибири, который будет дополнен и завершен писателем в более поздних его произведениях.

5. Основой стратегии повествования в повестях В. Астафьева рубежа 50–60-х гг. XX века становится стремление достоверно раскрыть не только «истории» своих героев, но и движение чувств, переживаний, их мысли. Внутренний монолог становится основой психологизма произведений писателя.

6. В. Астафьев в повестях рубежа 1950–1960-х годов успешно использует повествование от первого лица, иные выразительные формы изображения «диалектики души» своих героев. В результате психологизм оказывается действенным и универсальным методом создания характеров героев.

Научная новизна. В диссертации впервые повести рубежа 1950–1960-х годов В. Астафьева анализируются с возможной и необходимой полнотой для определения их жанровой и композиционно-поэтической специфики. Исследование конкретных художественных произведений писателя производится в сопо-

ставлении с историко-литературным процессом сложного послевоенного времени. Через анализ специфики образов молодых героев произведений, героев старшего поколения, их характеров и судеб выявляются особенности художественного метода писателя. Интерпретируются создаваемые в повестях указанного периода составные элементы сложного образа Сибири, цели и приемы художественного психологизма астафьевского повествования. Прослеживается сложная мировоззренческая эволюция писателя, кристаллизация его мировидения и духовно-нравственных ориентиров.

Теоретическая значимость диссертации заключается в определении критериев жанрово-композиционной специфики произведений, в типологизации героев русской литературы второй половины XX века, в дополнительном теоретическом осмыслении проблемы психологизма художественной литературы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в лекционных курсах по русской литературе XX века, а также в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных творчеству В. Астафьева и проблемам современной русской прозы. Работа может стать основой пособия теоретического и историко-литературного характера для учителей средней школы и студентов средних профессиональных и высших образовательных учреждений.

Апробация. Основные положения и результаты диссертации изложены в девяти публикациях автора, из которых 4 напечатаны в журналах, входящих в перечень ВАК РФ. Ключевые положения опубликованы в изданиях: «Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции» (2018 г.), «Тенденции развития науки и образования» (2018 г.), «Научный диалог: Молодой ученый» (2018 г.), «Неофилология» (2019, 2021 г.), «Наука и образование» (2019, 2020 г.), «Литература в школе» (2020, 2021 г.).

Многие положения и результаты диссертации апробированы в докладах на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: 69-я Научно-практическая конференция студентов и аспирантов «АПК XXI века: образование, инновации,

перспективы» (Мичуринск, 2017 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире» (Сибай, 2018 г.), XIX Международная научно-практическая конференция «Научный диалог: Молодой ученый» (Санкт-Петербург, 2018 г.), 70-я Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Современные тенденции повышения эффективности садоводства в России» (Мичуринск, 2018 г.), 71-я Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «АПК XXI века: образование, инновации, перспективы» (Мичуринск, 2019 г.), 72-я Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «АГРОВУЗ-2020: образование, наука, инновации» (Мичуринск, 2020 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объём диссертации составляет 193 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** содержится обоснование темы, актуальности и новизны диссертации, краткий обзор литературы по теме, определяется методология исследования, его цели и задачи, основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Специфика героя повестей В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов»** посвящена исследованию персонажной сферы прозаика, её основных составляющих, свойств и характеристик, определению главных факторов, влияющих на институализацию создаваемого писателем типа героя.

В первом разделе главы первой **«Персонаж, герой, тип: о типологии астафьевского героя»** дается аналитический обзор значений таких понятий и терминов, как «персонаж», «герой», «тип», «действующее лицо», «характер», иных терминов, предложенных авторитетными исследователями (Аристотель, Г.Э. Лессинг, М.М. Бахтин, Л.Я. Гинзбург, В.Е. Хализев, Л.В. Чернец и др.). Учитывая существующие определения, под термином «герой» в реферируемой работе имеется в виду дей-

ствующее лицо сюжетного художественного произведения, обладающее характерологическими особенностями представителя конкретной эпохи, воплощающее в себе отчетливо и полно творческий замысел автора, являющееся отражением его мировоззренческих концепций. Герой прозы В. Астафьева рубежа 50–60-х гг. XX века в реферируемом исследовании рассматривается с двух точек зрения: 1) как тип, обладающий своеобразными характерологическими особенностями, вбирающий в себя все черты носителя сознания эпохи и наследующий коренные свойства и судьбу своего народа; 2) как конкретное воплощение мировоззренческих принципов автора, переданных герою.

За основу в нашей работе принимается определение термина «тип», предложенное Л.В. Чернец: «наиболее устойчивые черты характеров ряда персонажей»³. Для нас также важно её утверждение, что тип – это не что иное, как «результат естественной классификации, типологии персонажей, т.е. доминантные черты в поведении, психологии ряда литературных героев»⁴. В первом же разделе исследуется поиск В. Астафьевым своего героя, процесс его зарождения и утверждения, формирование оригинального типа героя. На основе анализа некоторых рассказов, повестей «Перевал», «Стародуб», «Звездапад», «Кража», «Последний поклон», соотнесения их редакций и вариантов, их «гендерных» и иных доминант в диссертации утверждается, что на рубеже 50–60-х гг. в творчестве прозаика складывается единый тип молодого героя, для которого характерно чуткое восприятие окружающего мира, одиночество, неприкаянность, вынужденное сверххранное взросление, решимость к преодолению жизненных проблем. Этот тип имеет автобиографические корни, ибо произрастает из жизненного опыта писателя, но с другой стороны, этот тип героя является продуктом осмысления исторических потрясений двадцатого столетия.

Прозаик часто создает образы героев, взяв за основу их отношение к такому важному феномену, как природа. В этом

³ Чернец Л.В. Типы самодура и делового человека в пьесах А.Н. Островского // Русская словесность. 2014. № 5. С. 54.

⁴ Там же.

плане в творчестве прозаика четко выделяются два противоположных типа. Один из них является типом, полностью противостоящим природе, «антиприродным», а другой, наоборот, представляет собой неотъемлемую часть и своеобразное «продолжение» природы, окружающей героя. Яркой репрезентацией последнего типа выступает молодой таежник из «Стародуба». Кулдыш живет в таёжном одиночестве в горах, вдалеке от погрязших в пороке людей. «Природный герой», явленный в этой повести, найдет своё развитие и продолжение в «Последнем поклоне», в «Царь-рыбе», в прозе 1990-х годов.

Астафьевский молодой герой обязательно сталкивается со сложными испытаниями, проверяется на способность жить по законам совести. В этом плане астафьевский «молодой герой» близок персонажам «молодежной прозы», но отличается от них погруженностью в проблемы физического выживания и нравственного выбора. Этот тип героя, получив свои основные свойства уже в начале творческого пути писателя, становится одним из главных в творческой парадигме В. Астафьева и более позднего времени.

Во втором разделе первой главы, который озаглавлен **«Базовые параметры и характеристики героя повестей В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов в контексте эпохи»**, исследуется связь изображенных в повестях судеб персонажей с различными социальными потрясениями, отразившимися в его литературных произведениях. Коллективизация, урбанизация, война, индустриализация Сибири, коррозия традиционной семьи рассматриваются в этих повестях в качестве событий и процессов, во многом определяющих судьбы главных героев. Особое внимание уделяется анализу типа героя-сироты, предпосылкам его появления, связанным с судьбой самого писателя.

Тип героя-сироты реализован во всех произведениях прозаика исследуемого времени, особенно ярко он представлен в повестях, написанных с использованием лишь чуть трансформированных элементов биографии писателя («Перевал», «Звездопад», «Кража», «Последний поклон»). Известно, что В. Астафьев является одним из писателей, на чью долю выпало немало связанных с сиротством испытаний (гибель матери, голод, холод, беспри-

зорничество, детдом, война). Поэтому образы его героев-сирот так достоверно и эмоционально выразительно передают переживания лишенных родительского попечения людей.

Герои-сироты В. Астафьева страдают от отсутствия заботы, материнской любви, отцовской защиты, наставлений. Они не защищены от жестокостей окружающего мира и в любых жизненных обстоятельствах вынуждены рассчитывать лишь на себя. С одной стороны, Илька Верстаков, Кулдыш, Толя Мазов, Витя Потылицын представлены как самостоятельные, смелые, способные на решительные поступки герои, а с другой, они обречены на одиночество, их преследует часто возникающее чувство вины, ненужности, «ущербности», унижения. «Сирота ведь рубах меньше изнашивает, чем прозвищ»⁵. Сиротство Мишки Ерофеева («Звездапад») не прописано детально автором, но он глубоко одинок в своих госпитальных заключениях и переживаниях, свойственных еще со времен А. Твардовского «солдату-сироте».

В. Астафьев целенаправленно акцентирует тип героя-сироты, чтобы обратить общественное внимание на всегда острую проблему детского сиротства. В этом плане писатель далеко не одинок: в литературе второй половины XX столетия к этой теме активно и результативно обращаются и его современники Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Шукшин и другие. Для Астафьева важно провести мысль об ответственности старшего поколения перед юным, вызвать в общественном сознании острое чувство стыда перед детьми, перед теми, кто уже способен осознать истинную причину своего прискорбного положения (забытые собственной семьей).

Результатом обращения к теме сиротства, к драматическому образу сироты стала в творчестве В. Астафьева институализация, явление и утверждение героя, ранимо чувствующего отношение к нему посторонних и близких людей, тонко воспринимающего природу, её красоту и мудрость. Эти качества сближают главных героев ряда повестей и рассказов писателя.

⁵Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Перевал. Стародуб. Звездапад. Кража: повести. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 27.

А.Н. Макаров отмечал, что астафьевские повести составляют этапы судьбы персонажа, «носящего разные имена, но человека одной и той же биографии»⁶. Молодой сибиряк, заслуживающий сострадания сирота, обожествляющий природу и остро чувствующий несправедливость, персонаж, способный постоять за себя и за Россию, с «биографией» писателя, – таковы основные свойства героя В. Астафьева рубежа 50–60-х годов. Так, нетрудно заметить, что повесть «Перевал» включает немало значимых элементов биографии писателя, совпадающих с историей главного героя. Илья Верстаков тоже переживает многие «радости» «беззаботного» детства, выпавшие на долю будущего писателя: трагическая потеря матери, разгульная бесшабашная жизнь отца с молодой мачехой, одинокие скитания, нравственная растерянность, душевное беспокойство.

Наследуют тяготы жизни писателя и герои «Звездопада», «Кражи», «Последнего поклона». Все они, как и сам В. Астафьев, испытывают «прелести» лихой эпохи и последствия раннего сиротства. Такое рождение повестей с наличием явных автобиографических элементов позволяет говорить о том, что рубеж 1950 – 1960-х годов – это период, когда происходит кристаллизация жанра автобиографической повести в творчестве писателя. С помощью образа героя-сироты В. Астафьев пытается поставить и решить проблемы, затрагивающие сложные сферы социальной жизни России, вопросы нравственности и морали, выразить свои социальные, гендерные, этнические и иные предпочтения.

В третьем разделе первой главы **«“Учителя и ученики”»: духовно-нравственное становление молодого героя повестей В. Астафьева»** исследуются непростые отношения юных героев с персонажами, выполняющими функцию наставников.

Своеобразным результатом обращения к образу героя-сироты стала «переакцентировка» идеи преемственности поколений. Родители в повестях В. Астафьева – выпавшее по разным причинам звено этой преемственности. Но герой-сирота жаждет нравственного покровительства, и он находит его у бабушки

⁶ Макаров А.Н. Идущим вослед. М.: Сов. писатель, 1969. С. 713.

и дедушки, возросших на традиционных этических ценностях. Этот мотив является общим для повестей рубежа 50–60-х годов, сближает их с последним романом писателя, в котором герой-идеолог «стихиру» о проклятых и убитых воспринимает не от родителей, а от полулегендарной «бабки Секлетиньи». В прозе В. Астафьева характерный для русской литературы разрыв между детьми и отцами оборачивается нравственным союзом между детьми и их бабушками и дедушками. Именно к этому мотиву восходят коллизии «Перевала», «Последнего поклона» В. Астафьева, «Последнего срока» и «Прощания с Матёрой» В. Распутина, других произведений «деревенской прозы», в которых утраченное покровительство родителей успешно заменяют «старухи», «бабушки», другие наставники. Здесь имеет место стремление В. Астафьева возродить через фигуру молодого героя утраченную связь поколений. Такой выбор писателя мотивирован, так как В. Астафьев уверен, что детство является самым важным отрезком в жизни каждого человека и наиболее удачным для постижения таких вечных категорий, как «зло», «добро», «справедливость», «любовь», «счастье» и т.п.

Повести рубежа 1950–1960-х годов обладают и схожим рядом героев второго плана, взаимодействующих с главными персонажами. Именно с ними писатель связывает надежду на открытие подрастающему поколению традиций, проверенных вековым социальным опытом человеческих взаимоотношений.

Для неподходящих на роль наставников представителей поколения отцов В. Астафьев находит в своих повестях «смягчающие обстоятельства» в виде противоречивой эпохи тридцатых годов, ее социально-нравственных последствий. Астафьевские «отцы» не могут сопротивляться давлению обстоятельств. Они сокрушены ударами жизни, «сходят с дистанции», впадают в депрессию, пьянство, болезненность. Отец Ильки Верстакова, имея «в натуре» склонность к бесшабашности, сначала «зарабатывает» себе тюремный срок, а затем, ведя кочевой образ жизни в поисках заработка, на три месяца попадает в больницу, тем самым подвергая семью опасности погибнуть от голода и холода. Хотя этот персонаж в «Перевале» эпизодический и рассказчик предельно скуп, повествуя о нём, тем не менее, проанализи-

ровав биографию В. Астафьева, трудно не заметить сходство между образом отца автобиографического героя в художественных произведениях и Петром Павловичем Астафьевым – реальным отцом писателя. В автобиографии В. Астафьев пишет, что отец очень редко появлялся в его жизни, так как часто перемещался по Красноярскому краю в поисках очередной новой работы и новой пассии. Пунктирно образ «непутёвого» отца будет обозначен в повестях «Кража» и «Последний поклон». В финальных главах последней повести писатель значительное внимание уделит «папе», воплотив в нем собирательный образ «загульного» мужика, «унесенного водкой» из обездоленных семей России. Он вызывает у автобиографического героя-рассказчика смешанные чувства жалости, неловкости, стыда. «Не раз мне подавали его на руки из вагона, <...> крутя головой, говорили давно мне знакомое: “Ну и забавный у вас папа!” – и я, – замечает В. Астафьев, – сердился, говорил про себя, но когда и вслух: “Вам бы такого забавного”, чаще же просто махал рукою»⁷.

Первыми в роли истинных наставников, вызывающих одобрение и уважение автора повестей, вслед за бабушкой и дедушкой выступают сплавщики в «Перевале». Внешне грубоватые, лишённые лоска рабочие не только физически опекают Илью, делают его полноправным членом коллектива на плывущей «казенке», но и пытаются заняться его развитием. Симпатичный автору Трифон Летяга поручает одному из сплавщиков «подзаянться» с мальчишкой. Так на плоту-казенке, плывущем по реке, среди артели сплавщиков, юный главный герой становится «предметом народного образования» и с неподдельным интересом впитывает необходимые знания.

В «Стародубе» роль подобного наставника принял на себя Фаефан. Его образ в духовно-нравственном плане во многом схож с образом Трифона Летяги, хотя это персонажи из разных исторических эпох, разных социальных страт. Фаефан обладает знанием души человека, старается в любой ситуации прийти на помощь попавшим в беду людям, сочувствует беззащитным и слабым.

⁷ Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 5. Последний поклон: повесть в рассказах. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 296.

Еще одну особую группу наставников юных героев у В. Астафьева составляют учителя и воспитатели. Учитель станет для Витьки Потылицына одним из основных источников нравственного развития. Выслушав диалог учителя и бабушки Катерины Петровны, ребенок получает бесценный урок ответственности и такта. «Бабушка, конечно, знает, – думает мальчик, – кто свалил дрова учителю, и всему селу известно. Один учитель не знает и никогда не узнает»⁸. Послушав разговор двух важных и авторитетных для него людей, герой наполняется важными для становящейся личности уважением к учителю, получает пример взаимоподдержки людей. В жизни героя «Кражи» Толи Мазова появился в прошлом офицер русской армии Валериан Иванович Репнин. За службу, вероятно, в белогвардейской армии он получил от новой власти заключение и ссылку. Но подобно своим предшественникам из «Перевала» и «Стародуба», не озлобился против людей, не потерял веру в добро. Заведующий детским домом также является и хорошим педагогом. Он чувствует, что творится в сердцах ребят из детского дома, и изо всех сил пытается им помочь. Утверждение о расколоте мире и трещине, проходящей «по судьбам детей», выстрадано им в результате большого и трагического жизненного опыта.

В. Астафьев утверждает мысль о том, насколько сильное, как правило, позитивное влияние старшее, сохранившее нравственные традиции поколение оказывает на нравственное становление входящих в жизнь сибиряков. Прозаик подчеркивает доминирующую роль тех, кто оказался рядом, – персонажей, несущих в себе жизненный опыт и нравственные традиции предшествующих поколений, возлагая на них главную ответственность за складывающийся облик молодых героев.

Вторая глава озаглавлена «**Доминанты стратегии повествования повестей В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов**». В понятие «стратегия повествования» в реферируемой диссертации вкладывается значение способа достижения сложной цели. В данном случае – цели художественной. На наш взгляд, та-

⁸ Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. Последний поклон: повесть в рассказах. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 151.

кими поставленными и достигнутыми целями В. Астафьева являются, прежде всего, достоверность и выразительность созданных им художественных образов.

В первом разделе второй главы **«Элементы структуры образа Сибири в прозе В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов»** исследуется складывающийся в повестях писателя сложный образ Сибири, характеризуется отношение В. Астафьева к родной ему Сибири, к сибирякам, их духовному миру, природе.

Для повестей В. Астафьева исследуемого периода характерен персонаж, кровными узами связанный с Сибирью, свою принадлежность к русской национальной идентичности чувствующий через малую родину. Он открывает в творчестве прозаика тип героя-сибиряка, развитый, дополненный, трансформированный в зрелых и поздних произведениях писателя. Астафьевский сибиряк – человек мужественный, жизнестойкий, свято соблюдающий долг перед большой и малой родиной, перед домом, родной деревней, перед семьей и её уцелевшими в бедах представителями.

Перерабатывая в конце 1950-х годов свой первый рассказ «Гражданский человек», В. Астафьев дает ему новое название – «Сибиряк». В исследовании проводится мысль, что это демонстрирует формирующуюся тенденцию. Главный герой рассказа Матвей Савинцев и в первом случае был сибиряком-алтайцем, и в переделанном варианте им же остался. Радикальному изменению подвергся финал рассказа: в первом варианте Савинцев оказывается в госпитале, во втором – погибает на поле боя.

Окончательный вариант финала свидетельствовал об утверждении трагического аспекта изображения войны, усиливающегося у Астафьева на протяжении всего его творчества. Измененное же название ставит на первый план сибирскую этническую идентичность главного героя, отражая наметившуюся у писателя тенденцию к поэтизации образа Сибири, сибиряков.

Тенденция героизации сибиряка зародилась и получила развитие в военной прозе В. Некрасова. В его повести «В окопах Сталинграда» в качестве не по годам опытного и находчивого бойца изображается сибиряк Валега. Сибирь, её метагеографический образ, включающий великие сибирские реки, необзри-

мые «дали» Зауралья, Забайкалья, оказывается в основе композиции поэмы А. Твардовского «За далью даль». Характерно, что оба писателя биографически с Сибирью связаны не были. Образ Сибири почти «самопроизвольно» выдвинулся на первый план в советской послевоенной литературе.

В диссертации используется и понятие «сибирский характер». По мнению авторов коллективной монографии о сибирском характере (М.И. Шилова, Т.Н. Садырина и др.), определение «сибирский» содержит региональную, субэтническую номинацию, которая является частью понятия «национальный характер». Эти же авторы пишут и об имеющем место в реальности и в литературных произведениях о Сибири сибирском «изводе» общерусского типа. Поэтому оговоримся, что под «сибирским характером» в диссертации имеется в виду сформировавшаяся и весьма устойчивая разновидность русского характера, инвариант характера национального.

В характере сибиряка в диссертации выделяются социальная (опора на сложившиеся традиции жизнеустройства), религиозно-этническая (старообрядческий элемент), психологическая (устойчивость перед невзгодами и экстремальными условиями), фольклорно-мифологическая (сибирские речения, песни, присловья, суеверия) составляющие. Астафьевская Сибирь включает в себя, помимо «тайги-сотворительницы», сибирских рек и гор, опозитивированных в исследуемых повестях, помимо символических образов и деталей, еще и особых героев и антигероев. Образы сибиряков «по рождению» в прозе В. Астафьева неоднозначны. В пикку симпатичным сибирякам в «Стародубе» изображаются псевдокержаки, олицетворяющие собой пагубные последствия торжества искаженной веры. Антиподом лейтенанта Костяева в «Пастухе и пастушке» окажется порожденный сибирской тайгой «темный» Мохнаков. Антипатии к старообрядчеству с течением времени в «Царь-рыбе», в «Проклятых и убитых» будут прозаиком преодолены. Более того, в автобиографии писатель будет подчеркивать собственную причастность к «старой вере».

В отношении к Сибири немаловажную роль в развитии В. Астафьева сыграли события его биографии. С 1945 года до конца 1970-х годов писатель живет на Урале и в Вологде,

лишь наездами бывая в Сибири, которая все более романтизируется в его восприятии.

Стратегия повествования В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов, прежде всего его повестей, обусловлена стремлением писателя создать реалистически достоверный, одухотворенный, сложный, многоплановый, противоречивый образ Сибири, со стремлением передать сложную гамму своих чувств по отношению к дорогой для него части метагеографического образа России.

Во втором разделе второй главы **«Внутренний монолог как реализация стремления к психологизму в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов»** анализируется понятие психологизма в современном литературоведении, исследуется психологизм как способ создания реалистически достоверных характеров. Опираясь на определения и мнения А.П. Скафтымова, Л.Я. Гинзбург, В.Е. Хализева, А.Б. Есина и других литературоведов, мы полагаем, что «психологизм – это достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей, переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств художественной литературы»⁹. По нашим наблюдениям над текстами указанных повестей, внешние черты, «физический» портрет того или иного персонажа для В. Астафьева важны не так, как его психологический «портрет». В данном аспекте в диссертации исследуются психологические портреты персонажей, являющиеся главной составной частью характеров астафьевских героев. Анализируется сложная связь актуализации приемов психологизма с процессом эволюции психологической прозы в 50–60-е годы двадцатого столетия, с изменяющимися реалиями действительности, с вниманием общества и литературы к особенностям личности человека. Распространенным приемом изображения души ребенка у В. Астафьева является внутренний монолог героя.

Впервые обоснованно и удачно внутренний монолог используется в повести «Перевал». С его помощью прозаик воспроизводит мысли и чувства персонажа, которые демонстриру-

⁹ *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы: учеб. пособие. М.: Флинта, 2017. С. 24.

ют реальные психологические закономерности его внутренней речи. Этот прием позволяет проникнуть в духовный мир персонажа для выявления важного, ценного в нем. Данный прием, по мнению А.Б. Есина, сравним с «подслушиванием» автором мыслей персонажа, во всей его непреднамеренности, естественности и необработанности».

Активно и результативно используется данный прием и в другом произведении рубежа 1950–1960-х годов, в «Звездопаде». Специфика нарратива этой повести в том, что автор-повествователь в повести полностью сливается с фигурой героя-повествователя: «Я родился при свете лампы в деревенской бане. Об этом мне рассказала бабушка. Любовь моя родилась при свете лампы в госпитале. Об этом я расскажу сам»¹⁰. Прием внутреннего монолога служит здесь для выявления свойств характера юного «ранбольного» – мудрости, рассудительности. К моменту создания этой повести прием внутреннего монолога был уже освоен писателем, и с помощью его разновидности (воспроизведение раздумий персонажа) Мишка Ерофеев предстает как человек, имеющий значительный жизненный опыт.

Несчастье, обездоленность детдомовцев подчеркивается прозаиком в повести «Кража» с помощью воспроизведения размышлений теперь уже и одного из второстепенных персонажей о жизни детей с родителями и о жизни без них в детском доме: «Нет, компота Ваньке дома не давали. <...> Зато у него родители были. А родители лучше шашек, бильярда и даже компота...»¹¹. Алогичное сопоставление шашек, бильярда и компота с родителями выдаёт в этом эпизоде черты специфического детского восприятия. Прием внутреннего монолога переносится в этом и ряде других эпизодов повести на других симпатичных автору героев, усиливая и дополняя психологизм произведения. Психологизм в повестях В. Астафьева выступает в качестве основного способа создания образов молодых героев, а внутренний монолог является одним из эффективных способов раскрытия характеров героев.

¹⁰ Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Перевал. Стародуб. Звездопад. Кража: повести. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 183.

¹¹ Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Перевал. Стародуб. Звездопад. Кража: повести. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 441.

В третьем разделе второй главы «**Основные способы раскрытия души героя в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов**» исследуются такие приемы психологизма, как повествование от третьего лица, повествование от первого лица, прием раскрытия диалектики души. Анализируются приёмы изображения борьбы противоположных начал в сознании становящейся личности. На примере героев «Перевала», «Стародуба», «Звездопада», «Кражи» рассматривается душевный кризис молодого героя, который, по мысли писателя, необходим для этапа взросления.

Благодаря такому приему психологизма, как повествование от первого лица, в «Звездопаде» создается не только образ молодого, веселого, чувствительного, робкого «солдатика», но человека, которому пришлось за свою недолгую девятнадцатилетнюю жизнь столкнуться со многими трагическими событиями. Повидав немало, Мишка Ерофеев оказывается неплохим психологом, он хорошо разбирается в поступках, совершаемых другими людьми. Так, он догадывается, в чем причина мук совести лежащего с ним в одной палате старшины Гусакова, который испытывает особое беспокойство за единственного уцелевшего солдата из своей группы разведчиков: «Что-то, видать, не додумал, не доглядел Гусаков, перед тем как идти в поиск, и вот всячески выслуживается за всю перебитую группу перед Антипиным»¹².

Ведя повествование от первого лица в повести «Звездопад», герой открывает еще несколько черт своего характера – жалостливость, сострадание, заботливость, такт. Они проявляются в его отношениях с людьми, с близкими, или едва знакомыми. Так, показательны чувства Мишки Ерофеева, которые он испытывает в момент диалога с девушкой Женей. Из разговора он узнает о ее полной драматизма судьбе, о том, что она сирота. Мишка понимает, что если бы не война, то Женя могла бы стать талантливой художницей и счастливым человеком. Но сильнее всего он переживает за душевное состояние новой знакомой, за то, что она может обречь себя на новые страдания и униже-

¹² Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Перевал. Стародуб. Звездопад. Кража: повести. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 188.

ния. Герой повести испытывает сострадание и жалость, ему горько осознавать, что человек не может или не хочет бороться за свою счастливую жизнь: «<...> мне было так жалко эту девушку, так жалко!»¹³. А когда девушка спрашивает закурить, то он и вовсе проявляет особую строгость, свойственную, как правило, людям близким: «Не дам! Не балуйся!.. И вообще не выкаблучивайся! – вздыбился я на нее и вправду как старший брат»¹⁴. Повествование от первого лица, благодаря продуктивности этого приема, благодаря автобиографической основе всего творчества писателя, окажется доминантной основой психологически достоверного повествования во многих произведениях зрелого и позднего В. Астафьева.

Благодаря тому, что прозаик использует широкий спектр приемов психологизма и их разновидности (внутренний монолог, повествование от первого лица, повествование от третьего лица, изображение «диалектики души»), ему удается наиболее глубоко и достоверно показать внутренние силы и слабости героев, понять духовные доминанты их личностей, обнаружить истинные первопричины действий и поступков.

В Заключении содержатся основные результаты исследования.

Конец 1950 – начало 1960-х гг. – один из самых ответственных этапов в творческой жизни писателя. В это время происходит формирование персонажной сферы его произведений, идейное и тематическое, жанровое, композиционное, стилистическое становление художественной парадигмы писателя.

На творчество В. Астафьева рубежа десятилетий бесспорно повлиял литературный процесс предшествующего и данного времени. Он отвечал потребностям философско-исторического осмысления эпохи и приобретал зарождающиеся в 1950–1960-е годы черты психологической «исповедальной» прозы.

Юный сибиряк, заслуживающий сочувствия, страдающий от одиночества сирота, обожествляющий природу и остро чувствующий несправедливость жизни, персонаж, способный постоять за себя и за Россию, с «биографией» писателя, – таковы

¹³ Там же. С. 243.

¹⁴ Там же.

основные параметры складывающегося типа героя В. Астафьева рубежа 50–60-х годов.

Сиротство, как один из базовых параметров персонажа повестей В. Астафьева, имеет автобиографическую основу, хотя и является продуктом осмысления судьбы целого поколения, испытавшего на себе последствия социально-исторических потрясений двадцатого столетия. Мотив сиротства, воспроизводимый во всех исследуемых повестях писателя, усиливает драматизм и трагизм этих произведений.

Объединяющим элементом подвергнутого анализу повестей является их внимание к этическим вопросам, важным для нравственного становления и развития личности молодого героя. Наставники, способные взять на себя функцию потерянных родителей, – значимые персонажи астафьевских повестей этого времени. Любовь, забота, покровительство старших, жизнь по совести – вот то немногое, к чему стремится астафьевский герой-сирота. Главным источником духовно-нравственного становления молодого героя повестей В. Астафьева оказывается опыт предшествующих поколений, заключенный в социально-этических традициях их существования.

Доминантами стратегии повествования прозы В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов становятся установка на реалистическую правдивость в изображении и постижении «малой» родины писателя – дорогой для него и горячо любимой Сибири, стремление к психологической достоверности при создании и осмыслении образов своих героев.

Сибирь представлена в прозе В. Астафьева рубежа 1950–1960-х годов в образе самоотверженного и сурового сибиряка, не чурающегося черной солдатской «работы», крестьянина и охотника по происхождению. Сложный и многомерный образ Сибири создается с помощью ряда взаимосвязанных элементов. Персонажная сфера в целом, фольклор и духовная жизнь сибиряка, топонимические и гидронимические детали, символические пейзажные описания, составляют основу этого образа.

Различные формы психологизма реализуют установку художника на достоверность и выразительность в изображении героев, благодаря тому, что писатель использует наиболее яр-

кие и адекватные изображаемому «материалу» способы и приемы психологического повествования и их варианты: повествование от первого лица, внутренний монолог, повествование от третьего лица, изображение «диалектики души». Эти приемы позволяют писателю создать цельные психологические портреты персонажей.

Целенаправленный анализ локальных этапов творчества В. Астафьева представляет собой перспективное направление исследования его прозы, поскольку позволяет определить в статике и динамике его стилистические, жанровые, тематические и идеологические предпочтения в тот или иной период, охарактеризовать ведущий вектор их эволюции.

Значительную перспективу представляет и исследование сложных отношений астафьевской прозы с такими феноменами литературы 1950–1960-х гг., как «производственная литература», «лейтенантская проза», следы воздействия которых на творчество В. Астафьева отмечены критикой и литературоведением.

Сложным и перспективным представляется соотнесение творчества В. Астафьева 1950 – 1960-х годов с такими литературными направлениями, как критический реализм, неореализм, социалистический реализм в их наиболее ярких проявлениях. В связи с этим необходим и анализ мировосприятия писателя (не только его религиозных симпатий) указанного времени в его непрерывной динамике.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Щербакова, В.А. Жанровая специфика повести В. Астафьева «Перевал» / В.А. Щербакова // Неофилология. – 2019. – Т. 5. – № 18. – С. 170–177.

2. Гончаров, П.А., Щербакова В.А. «Свет их все еще идет к нам, все еще сияет нам»: мотив самопожертвования в повести В.П. Астафьева «Звездопад» / П.А. Гончаров, В.А. Щербакова // Литература в школе. – 2020. – № 1. – С. 52–67.

3. Щербакова, В.А., Гончаров, П.А. «Про солдата-сироту»: мотив сиротства в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. / В.А. Щербакова, П.А. Гончаров // Неофилология. – 2021. – Т. 7. – № 28. – С. 694–702.

4. Гончаров, П.А., Щербакова, В.А. «Неистребимая любовь к родной земле»: элементы структуры образа Сибири в повестях В.П. Астафьева «Перевал» и «Стародуб» / П.А. Гончаров, В.А. Щербакова // Литература в школе. – 2021. – № 5. – С. 19–29.

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

5. Щербакова, В.А. Автобиографические элементы в повести В. Астафьева «Перевал» / В.А. Щербакова // Тенденции науки и образования в современном мире. – 2018. – № 44. – С. 92–97.

6. Щербакова, В.А. Нравственное становление героя в повести В. Астафьева «Перевал» / В.А. Щербакова // Наука и образование. Мичуринск: Мичуринский государственный аграрный университет, 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 110–116.

7. Щербакова, В.А. Проблема взаимосвязи человека и природы в повести В. Астафьева «Стародуб» / В.А. Щербакова // Научный диалог: Молодой учёный. Сборник научных трудов, по материалам XIX международной научно-практической конференции (22 сентября 2018 года). СПб.: ЦНК МОАН, 2018. – С. 26–31.

8. Щербакова, В.А., Гончаров, П.А. Повесть В. Астафьева «Звездопад»: Специфика героя и мировосприятие автора / В.А. Щербакова, П.А. Гончаров // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире. Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (1 февраля 2018 года). Сибай: Сибайский информационный центр – филиал ГУП РБ Издательский дом «Республика Башкортостан», 2018. – С. 191–201.

9. Гончаров, П.А., Щербакова, В.А. Мотив самопожертвования в первой военной повести В. Астафьева / П.А. Гончаров, В.А. Щербакова // Наука и образование. Мичуринск: Мичуринский государственный аграрный университет, 2020. – Т. 3. – № 2. – С. 412–416.

Подписано в печать 16.02.2022 г. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 1,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 22233. Бесплатно.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
Отпечатано в Издательском доме «Державинский».
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г